

Текст · 27 августа 2021, 10:07

Юлия Сугуева,

Деструктивная оппозиция. Как следователи ввели «антисектантскую» статью УК в политику

Обвинение^[1] в создании некоммерческой организации, «посягающей на личность и права граждан», Алексею Навальному предъявили в августе. Уголовное дело по этой статье против самого Навального, а также его соратников Леонида Волкова и Ивана Жданова возбудили еще в феврале. Весной начались массовые допросы сотрудников Фонда, признанного в итоге экстремистской организацией^[2].

По версии Следственного комитета, деятельность ФБК «была сопряжена с побуждением граждан к совершению противоправных деяний», а Навальный, Волков, Жданов «организовали распространение на своих личных страницах в сети Интернет и на страницах ФБК <...> публикаций, содержащих призывы к участию граждан Российской Федерации в несогласованных митингах в январе текущего года».

Статья 239 Уголовного кодекса применяется очень редко, как правило, дела по ней возбуждают против руководителей и участников религиозных сект, поэтому еще ее называют «сектантской»: до

2014 года по ней осудили всего семь человек.

Среди приговоренных — «пришелец с Сириуса» из Новосибирска и неонацист — организатор оргий с несовершеннолетними.

Наказание по первой части 239-й — «создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением» — до четырех лет лишения свободы; по второй-^[3] — за создание или руководство НКО, в

том числе выполняющего функцию «иностранного агента», «деятельность которого сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний» — до трех лет заключения; по третьей — участие в таких организациях или агитация их деятельности — до двух лет.

Граница применения

Первым обвиняемым по второй части 239 статьи чуть не стал лидер крымских татар Ахтем Чийгоз — эту статью обещала применить прокурор Крыма Наталья Поклонская. Но его в итоге осудили как организатора массовых беспорядков^[4].

В 2019 году статья вновь пригодилась: обвинение по ней предъявили и двум лидерам ингушских протестов, 68-летнему Малсагу Ужахову и 67-летнему Ахмеду Барахоеву. Их вместе с еще пятью оппозиционерами сейчас судят в Кисловодском городском суде.

В сентябре 2018 года главы Чечни и Ингушетии подписали соглашение о границе, по которому часть ингушской территории отходила соседней республике. В Ингушетии начались массовые протесты с требованием признать соглашение незаконным и провести референдум. Акции длились около месяца, а после возобновились весной 2019-го. После двухдневного митинга — 26-27 марта — Следственный комитет возбудил уголовные дела о массовых беспорядках^[5] и нападениях на полицейских^[6] во время акций.

Как пишет «Мемориал»^[7], всего обвинения предъявили 51 человеку, дела в отношении троих были прекращены. Большинство — 40 участников протестов — осудили за насилие против силовиков, они получили сроки от семи месяцев до 3,5 лет и почти все уже вышли на свободу.

Дело семерых лидеров ингушской оппозиции — Ахмеда Барахоева, Малсага Ужахова, Мусы Мальсагова, Исмаила Нальгиева, Зарифы Саутиевой, Багаудина Хаутиева и Бараха Чемурзиева — рассматривается сейчас в в Кисловодском городском суде. Все они находятся в СИЗО, их обвиняют^[8] в организации насилия над силовиками, создании экстремистского сообщества и участии в нем.

Еще один лидер оппозиции, бывший глава МВД Ахмед Погоров, почти два года находился в розыске, его задержали в феврале 2021-го. Дело против него еще расследуется.

Ужахова обвиняют в создании «некоммерческой организации, деятельность которой сопряжена с побуждением граждан к совершению иных противоправных действий» — это вторая часть 239 статьи, а Ахмеда Барахоева в участии в ней — третья часть. Под НКО следствие подразумевает «Совет тейпов ингушского народа», в прошлом году он был ликвидирован по иску Минюста.

«Статью эту вменили потому, что чем больше статей, тем больше они выглядят преступниками, вот и все», — полагает адвокат Барахоева Калой Ахильгов.

Ахмед Барахоев. Фото: Елена Афони́на / ТАСС

Умаление авторитета

Следствие вменяет Ужахову призыв к несогласованному митингу осенью 2018 года, а Барахоеву запись видеообращения, в котором он требует от участвовавших в голосовании депутатов Народного Собрания республики прийти на «шариатский суд», проведение самого суда и

призывы к бессрочной акции протеста весной 2019 года.

Ужахов и Барахоев, говорится в обвинительном заключении, через Совет тейпов побуждали «граждан к вмешательству в деятельность органов государственной власти посредством оказания на ее представителей психологического давления через фактически имеющиеся институты, деятельность которых противоречит действующему законодательству, с целью последующего влияния на принимаемые ими (органами государственной власти) решения».

Обвинение считает, что из-за действий Ужахова и Барахова у жителей Ингушетии сложилось «заведомо ложное устойчивое мнение о незаконности подписанного Соглашения об установлении границы» с Чечней, что повлекло «умаление авторитета исполнительной и судебной власти», «массовое недовольство жителей республики и социальную напряженность».

«То есть якобы Совет тейпов призывал к тому, чтобы люди не повиновались и не исполняли свои обязанности, которые предусмотрены Конституцией, это не платить налоги, не служить в армии и так далее, о таких обязанностях идет речь, есть целый перечень, что мы обязаны делать по Конституции, — говорит Ахильгов. — Понятно, что таких призывов не было. Даже если Совет тейпов призывал выйти на митинг, это не нарушение и вообще не преступление в данном случае, потому что это не подпадает в те

самые побуждения граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей».

По словам адвоката, следствие считает, что у Ужахова и Барахоева был «прямой умысел» на призыв людей отказаться от исполнения своих прямых обязанностей.

«Чем это доказывается, непонятно. Одни и те же действия квалифицируются и как организация экстремистского сообщества, и как организация юрлица, применяющего насилие в отношении граждан. Вопрос о наличии вообще состава такого преступления будет решаться самим судом, наверно, в совещательной комнате, потому что в ходе судебного заседания это установить не удалось никак», — говорит Ахильгов.

По словам же адвоката Ужахова Фатимы Урусовой, статью 239 вменяют «исключительно в связи с вызовом в шариатский суд».

«Речь идет о деятельности Совета тейпов именно в направлении протестного движения, а конкретно о вызове депутатов на так называемый шариатский суд, — говорит Урусова. — [Следствие] считает, что права депутата таким образом были нарушены, они это связывают депутатским иммунитетом. Большой спектр адвокатской работы был направлен на то, чтобы объяснить, что такое шариатский суд именно в Ингушетии, каковы полномочия этого суда и каковы неблагоприятные последствия заслушивание. Депутатский иммунитет не может быть здесь расценен как нарушенный, потому что это было уже после, а не до голосования. И сами депутаты вышли

[к протестующим] и сказали, когда стало известно, что фальсификация произошла, что мы, мол, не голосовали [за согласование]».

По ее словам, на «шариатский суд» пришли меньше половины голосовавших депутатов, и для тех, кто приглашение проигнорировал, не было «негативных последствий».

По словам Ахильгова, проведение шариатского суда обвиняемым вменяют и в контексте статьи об экстремизме. «Мы суду предоставили ответ Минюста Ингушетии, в котором говорится, что в Ингушетии как нет зарегистрированного юридически шариатского суда, так и нет в принципе действующего шариатского суда. Он может быть только в мусульманской стране, где действуют нормы шариата, все остальное это так называемый кадият, который носит консультативный характер, — говорит адвокат. — Кроме того, он действует в рамках российского законодательства, подпадая под закон о медиации».

Сроки давности по статье 239 уже вышли, но, по словам Калоя Ахильгова, они отказались от прекращения дела, поскольку это не реабилитирующие основания.

«Вопрос нашей невиновности здесь не доказан. Тем более, если мы хотим дальше идти в ЕСПЧ, нельзя соглашаться с прекращением в связи с истечением срока давности», — заключил Ахильгов.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Часть 2 статьи 239 УК.
2. ФБК — не только запрещенная судом «экстремистская организация», но и «иностранный агент». Закон о СМИ обязывает нас напоминать об этом.
3. 239 статья была дополнена частью второй летом 2012 года.
4. часть 1 статьи 212 УК.
5. Статья 212 УК.
6. Статья 318 УК.
7. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Мемориал» внесен Минюстом в реестр организаций, исполняющих функции иностранного агента.
8. Часть 3 статьи 33, часть 2 статьи 318 УК; части 1 и 2 статьи 282.1 УК.